

Лексические белорусизмы как средство создания национального колорита (на материале переводов произведений М. Горецкого на русский язык)

В последнее время значительно возрос интерес лингвистов к сравнительно-сопоставительному изучению языковых особенностей оригинала и его перевода. Как известно, художественный перевод – это не только «перевод» произведения с одного языка на другой, но и «перевод» его из одной национальной культуры в другую. При переводе сопоставляются, приходят в активное взаимодействие не только два языка, но и две национальные культуры [8, с. 12]. Перевод – искусство вторичное, репродуктивное. В процессе перевода переводчик не создает художественной действительности на основе реальной, а лишь воссоздает уже созданную писателем “вымышленную реальность” [2, с. 11]. Главная задача переводчика заключается в том, чтобы с помощью средств другого языка “пересоздать произведение, уже созданное до него, уже существующее как художественная целостность, как однажды возникшее единство смыслового содержания и словесной формы” [9, с. 16]. Для адекватного перевода переводчик должен не только владеть правилами соотнесения контактирующих языков, но и обладать знаниями культурологического плана. Каждое художественное произведение несет в себе обобщенный образ определенного отрезка времени с людьми, действующими и живущими в нем, поэтому возникает необходимость знать и формы жизни, культуры, психологии народа, и историческую обстановку, о которой рассказывается в художественном произведении. Таким образом, каждый, кто обращается к переводу, должен пройти через сложный психологический процесс – «текст оригинала – отражаемая действительность – текст перевода» [1, с. 8–9]. При этом каждый переводчик должен стремиться к тому, чтобы как можно более полно воссоздать эстетическую полноценность подлинника, передать его стилистическое и национальное своеобразие.

Одной из отличительных особенностей переводов произведений М. Горецкого на русский язык является широкое использование в них лексических белорусизмов, т.е. слов белорусского языка, которые не имеют полностью совпадающих по форме и содержанию соответствий в русском языке. Большинство собственно лексических белорусизмов является результатом сознательного употребления их с художественными целями. Широкое использование лексических белорусизмов в значительной степени определяется тематикой произведений М. Горецкого (преимущественно сельской), местом описываемых событий (в большей степени – белорусская деревня), социальными параметрами его персонажей (белорусский народ).

Среди лексических белорусизмов, употребленных в переводах произведений М. Горецкого, значительное место занимают слова, связанные с обозначениями реалий духовной и материальной культуры белорусского народа.

Лексические белорусизмы используются прежде всего как средство номинации в целях воссоздания национального колорита, белорусской национально-культурной специфики. В этой роли выступают имена существительные, наиболее широко представленные в авторской речи. Отражению жизни и быта белорусской деревни способствует использование собственно лексических белорусизмов, являющихся наименованиями предметов и явлений бытового характера: *Взялся за вилы – делать **стрясанку*** [5, с. 318]. *Мать сидела*

около него на **запечке**. [5, с. 25]. — Редко, редко заглядываешь к нам, голубок! — в знак приветствия говорит мне с **запечка** всегда ласковая и спокойная Самусиха [5, с. 316]. С поля возвращаются чьи-то дети, мальчик и девочка, несут подвешенные на палке порожние обеденные "**спарыши**" — спаренные глиняные судки [5, с. 181]. **Гани** за три от позиции виден был железнодорожный мост через Неман, который мы охраняли [5, с. 212]. Пробежало через просеку **гани** за две от нас несколько стройных диких коз [5, с. 240]. Зашел во двор, взял под поветью **резгины** и отправился на гумно [5, с. 317]. Чьи-то жнеи уже выжили на **постать** — полосу спелого жита у кромки леса [5, с. 172]. Ничего не отвечает невестка на слова отца, чтобы своим молчанием еще больше всем досадить; взяла ребенка, еще сильнее захлипала и полезла на **запечек**, не поев **крупени** — перлового супа [5, с. 321]. Все лето ходили асмоловцы к князю, чтобы выпросить у него льготу на пашню и **уругу**, на заливной луг, значит [5, с. 141]. С лучиной под **гарнцем** или **горлачом**, чтобы ветер не погасил, идут через двор в хлев [5, с. 109]. Нечаянно наехав своей ледяной **козой** на ледяное решето Микитенковой-Модочки, он услышал: — Лёксин деверёк! [5, с. 61] и т.д.

В функции создания национального колорита выступают также названия блюд белорусской кухни, встречающиеся в оригинальных и переводных текстах: **драчена**, **крупеня**, **сольтисон**, **бабка** и др.: А на столе один чай с дешевым **сольтисоном** и черным хлебом [5, с. 355]. Гомон и шум в лагере начался очень рано. Но я уже успел и встать, и походить, и посидеть, и съесть кусок **драчены** и несколько ранетов [5, с. 202]. А на заездем дворе в Лезевене они балагурят, куражатся, держат себя запанибрата с самим Ёсской, хозяином заезда, пьют водку скопом, едят сало и **драчену** с салом [5, с. 142]. Ты пекла **«бабку»** — черный, как кирпич, хлеб времен немецкой оккупации, из картофельной шелухи, отрубей и льняных жмыхов. А мать эту **«бабку»** продавала на толкучке около вокзала — под «Галей» [5, с. 430]. Ведь она все же ела **«бабку»**, с **чиредка** и суп на Вороньей [5, с. 444].

Исторический колорит, история оккупации территории Западной Белоруссии Польшей создается употреблением соответствующей лексики: **шляхта**, **шляхтич**, **войт**, **пан**, **полупанск**, **паняч**, **повет**, **ксендз**, **клерик**; **местечко**, **фольварк** и др. Слова **шляхта**, **шляхтич**, **пан**, **ксендз**, **местечко** освоены русским языком в семантическом, грамматическом и фонетическом отношении, но в своих толкованиях в русских словарях они содержат указание на принадлежность определенному народу: **пан** — «в старой Польше, Литве, а также Белоруссии и на Украине: помещик, барин»; **шляхтич** — «польский мелкопоместный дворянин»; **шляхта** — «польское мелкопоместное дворянство»; **ксендз** — «польский католический священник»; **войт** — «сельский староста во времена крепостничества»; **местечко** — «на Украине, в Белоруссии до революции поселок полугородского типа». Употребление таких лексем функционально значимо, оно способствует созданию исторического колорита: *Есть здесь в окрестностях и **шляхта**. По правде говоря, в своей культуре, взятой, как кто-то сказал, «в общем и целом», **шляхта** эта не бог весть что против и самых окаянных мужиков, — то есть надрывается она, как черный вол, ест **бульбу**, в грамоте ни бе ни ме, обувается в лапти и онучи... Зато в праздник, отправляясь в церковь (**шляхта** здесь православная), надевают **шляхтичи** на свои, по-мужичьи натертые шеи, большие воротники, хотя и не больно чистые и слегка пожелтевшие за давностью*

лет, но все же, по разумению Лявона – общеевропейские; **иляхтянки** же туго натягивают на свои, не в обиду им будь сказано, потные и великоватые рабочие руки нитяные белые перчатки... [5, с. 21]. Была там свежая могила: давеча пан **войт** помер [6, с. 37]. **Паны'** снова за поденщину людям денег не отдали. Вот ведь **паны!** [5, с. 56] – Да разве нам знать, когда **паничи** придут, – терпеливо ответила одна из них [5, с. 83]. Видят: польские патрули стоят. Все больше – молодежь, учащиеся, **паничи** [5, с. 531]. В это время по полю гуляли **ксендз** и его гость – **клерик** [5, с. 214]. Вот я и ехал в самом конце июня 1914 года в безлюдном вагоне третьего класса по онемевшим от жары и пыли и таким убогим жмудским полям в *N*-скую бригаду в глухом и безвестном **местечке** вблизи от немецкой границы [5, с. 201]. Тетушка Мариля, как подбитая птица, носилась по **местечку** в поисках мужа и дочери [6, с. 307]. Огнем нашего левого орудия подожжен сенной сарай в **панском фольварке** Капсоде (там снова немцы) [5, с. 289]. – Ты посмотри... Ходить далеко не надо, посмотри на поляков, на латышей, которые **фольварки** вокруг скупили [6, с. 33].

Передать культурные традиции белорусского народа помогают употребленные в оригинале и переводе названия белорусских национальных танцев, песен, игр (*трясуха, лявониша, метелица, мазука, иллепушки, полька* и др.): Музыканты заиграли **метелицу** — и пошло, и пошло [6, с. 238]. После "**иллепушек**" играли в менее грубую игру, в **исповедь**. Играли в: Задум тем вечером долго и в разные игры. Между прочим, "**сеяли хмель**" [5, с. 40]. ...асмоловцы весело скачут "**Трясуху**" и "**Лявониху**", толкут, что все самые лишние комары, мак, вихрем мчатся в "**Метелице**" [5, с. 144]. Пиликает "**Трясуху**" на старой, дребезжащей скрипке дядька Тимох [5, с. 144].

Наименования белорусских народных обычаев, праздников также являются важным средством передачи национального колорита: *вечерки* – «собрание деревенской молодежи зимой или весенними вечерами для совместной работы, развлечений»; *купалье* (в бел. *купалле, Купала*) – «древний праздник летнего солнцестояния у восточных славян, которое отмечается в ночь с 23 на 24 июня по старому стилю», *толока* – «коллективная помощь при выполнении сельскохозяйственных работ»: На **Купалу** же там, над озером, под высокими стройными березами водят свои хороводы русалки белотелые, с косами черными, глазами печально-тоскливыми [6, с. 78]. На **Купалу** взял ружье, спрятанное причастие и отправился в пушу [6, с. 195]. После обеда мы **толокой** вырыли для себя новый телефонный окоп, очень хороший, с окошком, ну – вроде землянки [5, с. 214]. Из сочувствия к своему земляку жебраковцы перевезли хату на облюбованное дедушкой место **толокой**, за ведро водки [5, с. 332]. И таким был не первый и не последний обыкновенный рождественский вечер по давнему обычаю, когда днем можно работать, а как стемнеет – грех, поэтому бабы не прядут, мужчины не плетут лаптей, а парни и девки собираются на **вечерки** [5, с. 25]. А маме по-книжному, надувшись: «Да что мне делать на тех **вечерках**?» [6, с. 65].

Использование в художественных целях лексических белорусизмов предполагает для русскоязычного читателя наличие определенных сложностей в восприятии художественного текста. Для преодоления этих затруднений в переводах используются различные способы объяснения значений белорусизмов:

1) объяснение непосредственно в тексте перевода при помощи комментария: *...невестка (...) еще сильней захлипала и полезла на запечек, не поев **крупени** — перлового супа [5, с. 321]. В тексте оригинала: ... нявестка (...) захліпала слязней і палезла на запечак, не еўшы **крупені** [3, с. 321]. Все лето ходили асмоловцы к князю, чтобы выпросить у него льготу на пашню и **уругу**, на заливной луг, значит [5, с. 141]. В тексте оригинала: Скрозь цэлае лета хадзілі да князя асмолаўцы, как выпрасіць палёжку на пашу і **ўругу** [4, с. 261]; Чьи-то жнеи уже вышли на **постать** — полосу спелого жита у кромки леса [5, с. 172]. В тексте оригинала: А нечыя жнеі прыйшлі ўжо на **пастаць** — пад самы лес [4, с. 292]. С поля возвращаются чьи-то дети, мальчик и девочка, несут подвешенные на палке порожние обеденные "**спарыши**" — спаренные глиняные судки [5, с. 181]. В тексте оригинала: Яшчэ ідуць з поля нечыя дзеці, хлопчык і дзяўчынка, і нясуць напавірку, на кіі, пустыя **абедачнікі-спарышы** ў махрастых раскарачах [4, с. 301].*

2) использование в тексте перевода сносок различной структуры и содержания, дающих подробное толкование семантики белорусизма: ***Гани** за три от позиции виден был железнодорожный мост через Неман, который мы охраняли [5, с. 212]. Сноска: мера длины примерно 60 – 100 саженок (сажень – 2,134 м). Зашел во двор, взял под поветью **ре'згины** и отправился на гумно [5, с. 317]. Сноска: приспособление для переноски сена, соломы, сделанное из веревочной сетки, натянутой на согнутые палки. В тексте перевода постановкой ударения подчеркивается особенность произношения этого белорусизма.*

Попытку толкования происхождения и смысла названия деревни *Брудянишки* (*Брудзянішкі*) с привлечением некоторых лингвистических данных делает переводчик «Виленских коммунаров» Агей Гатов: *«Зашумела в полях весенняя радость, прилетели из теплых краев жаворонки и грачи, пригрело солнышко непролазную грязь на брудянишских улицах. Вот когда я понял горькую иронию названия местечка моего детства. **Брудянишки!** Да ведь «бруд» — это грязь. **Грязнушки**, самые настоящие Грязнушки!..» [5, с. 388]. В тексте оригинала: «Зашумела веснавая радасць, прыляцелі з выраю жаўранкі і гракі, прыгрэла сонейка страшэнную грязь на брудзяніскіх вуліцах» [3, с. 191]. Введение в текст перевода толкования топонима *Брудянишки* не снижает идейно-художественного своеобразия подлинного текста, а, наоборот, помогает русскоязычному читателю понять внутреннее содержание, образность этого названия. Однако внутренний смысл топонима *Брудянишки* можно понять и благодаря контексту: *«А Брудянишки за это время нисколько не изменились. Как и в годы моего детства, там и теперь кривые улочки с пылицей и смрадом летом, с грязью по колено осенью и весной, покривившиеся хатки, сорванные с петель ворота, прогнившие тротуарчики в одну-две доски. И чахлые деревца, которые еще в годы моего детства торчали там-сям при хатках»* [5, с. 541].*

В переводах сохраняется авторское объяснение семантики отдельных белорусских слов (преимущественно разговорных и диалектных). Используются следующие способы толкования значения таких слов: 1) подбор к слову синонимичного общеупотребительного слова: *На помосте лежали желтые березовые листья и множество **летучек** — березовых семян [5, с. 126]. К будке подошел дед с целой охапкой дудочек-посвистелей [5, с. 187]. Этот же белорусизм употребляется далее уже без слова-синонима: *Тогда Хомка робко похвастался**

девушке, что он тоже умеет играть на *посвистели* [5, с. 187]; 2) подробное истолкование значения слова непосредственно в тексте: ... *примостится на четвереньках в дырявых «копанниках» (санях не из гнутых, а выкопанных в лесу кривых корней, полозьев) и шуганет свою тощую, заиндевевшую, лохматую лошаденку* [5, с. 142]; *Речь шла, как понял Хомка, о подпинке, как здесь называют чересседельник* [5, с. 168]; 3) толкование значения белорусизма путем одновременного использования русского и белорусского наименования одного и того же предмета: – *Знай же, братец: это по-вашему, по-мужицкому, скворец называется **шпаком**... Он-то и есть тот самый **шпак*** [5, с. 154].

Лексические белорусизмы, употребленные в переводах произведений М. Горьцкого, охватывают многочисленные реалии материальной и духовной жизни, внутренней культуры белорусов. Они представлены следующими лексико-семантическими и тематическими группами: названия растений: *бульба, буквица, бурак, просвирка* и др.; названия предметов и явлений бытового характера: *резгины, спарыши, копанники, колыска, запечек, подпенок, посвистели, стрясанка* и др.; названия блюд национальной кухни, напитков: *драчны, бабка, полендвица, крупеня, сольтисон* и др.; названия явлений культурного характера: *песняр, трясуха, лявониха, метелица, мазурка, полька, илемушки, краковяк* и др.; наименования явлений исторического характера: *шляхта, шляхтич, войт, пан, полупанок, панич, повет, ксендз, клерик, кубрак* и др.; названия явлений местного характера, обрядов, праздников: *дяды, Купала, вечерки, вечерушки, коляда, постать, толока* и т.д.; названия одежды: *кутуш*; населенные пункты, строения: *местечко, фольварк, хата, вёска* и др.

Лексические белорусизмы, употребленные в переводах произведений на русский язык, помогают не только художественно убедительно, но и этнографически и исторически верно воссоздать изображаемую в оригинале действительность, приблизит язык повествования к языку изображаемой среды, служат важным средством создания белорусского национального колорита – отражения быта и жизни, культурных, этнографических и исторических ценностей белорусского народа.

Літэратура

1. Борсук Н.М. Тэорыя і практыка мастацкага переклада. Брэст, 2000.
2. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
3. Гарэцкі М. Збор твораў. У 4 т. Мн., 1985. Т. 3.
4. Гарэцкі М. Творы: Апавяданні, аповесці. Мн., 1995.
5. Горецкий М. Избранное: Повести, роман-хроника. Мн., 1989.
6. Горецкий М. Красные розы. Избранное. Мн., 1976.
7. Міхневіч А.Я., Гіруцкі А.А. Вазьмі маё слова...: Нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксце ўзаемадзеяння літаратур. – Мн., 1990.
8. Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков: Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод. Мн., 1980.
9. Эткинд Е.Г. Художественный перевод: искусство и наука // Вопросы языкознания. М., 1970. № 4.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

УДК

***Мормыш Л.С.* Лексические белорусизмы как средство создания национального колорита (на материале переводов произведений М. Горьцкого на русский язык)**

В статье приводится семантическая и тематическая классификация лексических белорусизмов. Рассмотрены различные способы объяснения значений белорусизмов, использованные переводчиками, и способы авторского толкования семантики некоторых белорусских слов (преимущественно диалектных и разговорных). Выявляется стилистическая роль лексических белорусизмов в тексте.

Библиогр. – 9 наим.

SUMMARY

In the article the author cites semantic and thematic the classification of lexical belorussizms; reviews different methods of explanation the meaning of belorussizms that used by interpreters and means of author's interpretation of semantics of some belarussian words (mainly dialectal and colloquial); reveals stylistic role of lexical belorussizms in text.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУ